

THE
LOST
SENTINEL

АЙВИ ЭШЕР

КОВЕН
ИЗБРАННЫХ

ПОСЛЕДНИЙ СТРАЖ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Ivy Asher
THE LOST AND THE CHOSEN

Copyright © 2018 by Ivy Asher

Перевод с английского *Е. Заштовт*
Художественное оформление *А. Гаретова*

Эшер, Айви.
Э98 Ковен избранных / Айви Эшер ; [перевод с английского Е. Заштовт]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-195664-6

Меня зовут Винна, и мое прошлое окружено множеством тайн.

Я понятия не имею, кто мои родители и где они сейчас. В шестнадцать лет на моем теле появились загадочные татуировки, похожие на руны, и внутри меня пробудилась магия. С ее помощью я зарабатываю на жизнь, участвуя в уличных боях.

Я думала, что никогда не узнаю о себе правду, пока не встретила их... Пятерых таинственных парней. Они называют себя кастерами, людьми, владеющими магией. И я — одна из них.

Теперь мне придется жить с этими парнями в их огромном доме, чтобы научиться управлять своими способностями и узнать, кто же я на самом деле.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-195664-6 © Заштовт Е., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Тем, кто верил, что я смогу, —
и я смогла*

ГЛАВА

1

Я захлопываю дверцу шкафчика — звук эхом отражается от бетонных стен пустой комнаты. Надеваю наушники, нажимаю на телефоне «Плей», и музыка начинает играть с того места, на котором остановилась в конце вчерашней тренировки. В уши льется *All Around Me* группы *Flyleaf*. Делаю громче, позволяя музыке пробудить моего внутреннего зверя, а сама тем временем мысленно прикидываю, как буду проводить поединок.

Талон вечно смеется над этой частью моей предстартовой рутины. Он не понимает мою потребность визуализировать, как я избиваю человека до полусмерти, когда даже неизвестно, кто будет противником. К сожалению, это лишь одна из множества вещей, которые я не в силах ему объяснить.

По всему телу вспыхивают следы того, что в нем заключено. Недремлющая искра способности, словно томная кошка, потягивается внутри, но сколь бы сильно я ни упивалась этим потоком энергии, стараюсь держать его под контролем. Если я позволю себе слишком много, сила захлестнет меня и превратит в некую версию бенгальского огня в честь Дня независимости. Что основательно испортит образ *я такая же, как и все*, который я стараюсь поддерживать.

В воздухе витает тяжелый, но приятный запах чистящего средства, которое обычно используют для борьбы

с вонью от пота. Вдыхаю его, методично растягиваясь и подготавливая тело к бою. Не знаю, что это обо мне говорит, но запах этот — запах свежего лимона, — пусть и резкий, кажется успокаивающим. Мозг связывает его с тяжелым трудом и успехом. Клянусь, в каждом зале, в котором я когда-либо занималась, в каждой раздевалке, где я когда-либо бывала, пахнет одинаково.

В ушах начинает рычать *I'm So Sick*, как вдруг с лязгом распахивается металлическая дверь и внутрь входит Талон. Он выглядит так, будто собирался войти в зал заседаний, а не в бетонную раздевалку, где навязчиво пахнет лимоном. Костюм Талона сшит на заказ и безупречно чист, что вообще-то противоречит энергетике старого ворчливого викинга, которая чувствуется во всем остальном.

В первую нашу встречу у него были длинные волосы. Светлые локоны танцевали на ветру, а голубые, как океан, глаза пытливо смотрели на меня, стоявшую на крыше его внедорожника с камнем в руке. Мне было пятнадцать, я была бездомной и убегала от парочки придурков, которых взбесило то, что я посмела дать им отпор, когда их компания попыталась украсть мой рюкзак.

Сейчас Талон постригся под ноль, а его борода стала короче и ухоженнее. Волосы на лице почти не скрывают квадратную челюсть и острый нос. С годами я выяснила, что его голубые глаза смягчаются только для меня. Всем остальным достается холодная и расчетливая сторона Талона. А мне? Мне он — защитник и друг. Будучи ста восьмидесяти восьми сантиметров ростом, он возвышается надо мной, и все в нем — от размеров до манеры держаться — так и говорит: *со мной не шутят*.

— Готова? — спрашивает Талон, и я киваю. — Отлично. Не торопись. Устрой хорошее шоу. А затем уничтожь

его к чертям собачьим, — наставляет он, но инструкции излишни.

Хмыкаю, одобряя его жестокость, но вместе с тем, не в силах удержаться, закатываю глаза. Это ведь не какой-то постановочный танец, и он прекрасно это знает.

Талон усмехается — видимо, мои мысли написаны на лице. Водитель, который привез меня сюда, по-прежнему стоит в углу комнаты. От усмешки Талона он напрягается, будто смех хозяина равен смертному приговору. Насколько мне известно, это вполне может быть правдой.

Вне тренировок и боев я держу свой нос подальше от дел Талона, но он определенно из тех, кто с улыбкой смотрит в глаза смерти. Сама я в этом плане не столь бесцеремонна, хотя смерть не особо меня смущает.

Разминаю шею, пытаюсь унять предвкушение. Так всегда перед боем. Это не нервы, да и слово *предвкушение* не вполне передает истинную суть чувства. Это скорее стремление побыстрее приступить к делу, потребность атаковать.

— Вот она, моя маленькая воительница! Напитайся хорошенько жаждой крови — и вперед! — подбадривает Талон. Он обнимает меня и игриво дергает за кончик одной из датских косичек.

Пиная его в бок, но не вкладываю в удар силу, и он смеется. Не знаю, каково это: иметь родителей, которым на тебя не плевать. Я никогда не видела отца, а Бет — донор яйцеклетки — выбросила меня, словно мусор, которым всегда и называла.

Талон — человек, наиболее близкий к тому, чтобы я считала его родителем. Понятия не имею, почему он забрал меня с крыши своей машины и увел с улиц Вегаса, но каждый день испытываю благодарность за все, что он для меня сделал.

Отвлекаюсь от сентиментальных мыслей, очищаю разум и натягиваю рабочую «маску». В мире, где мы с Талоном живем, в мире теневых сделок и жестокости, нет места приятным мыслям и снисходительным воспоминаниям. Я вновь сосредоточиваюсь и подпрыгиваю на месте, разогревая мышцы.

Сквозь толстые стены доносится рев толпы, и по шуму становится понятно, что кому-то из участников, по всей видимости, хорошо досталось. Бетон приглушает крики зрителей, но понять, что происходит, достаточно легко. Чем ближе мой поединок, тем более нервным становится Талон.

Мы с ним сидим в молчаливом единении до тех пор, пока некто не стучит дважды в металлическую дверь, давая понять, что время пришло. Талон поворачивается ко мне и окидывает оценивающим взглядом с головы до ног. Замечаю проблеск грусти в его взгляде, когда он как будто бы находит то, что искал, и отворачивается. Решительно кивнув, он выводит меня из раздевалки.

Как действие, выход на арену меняется в зависимости от места проведения и масштабов боя. Сегодня из «фанфар» только освещение и звуковая система. Раскатистый голос ведущего объявляет мое имя, *Винна Айлин*, и я вхожу в зал.

Сквозь свет направленных на меня прожекторов трудно определить, насколько большая толпа собралась. Меня, словно одеяло, накрывают крики поддержки и презрения. В центре большого, залитого светом склада стоит восьмиугольная клетка, и мы с Талоном уверенно проходим к ней.

Дверь в клетку открывается, и я поворачиваюсь к Талону. Обнимаю его в последний раз, перед тем как зайти внутрь. Я прибыла первой и теперь жду, когда объявят выход моего соперника. Зрители скандируют мое имя, я окидываю взглядом толпу и оцениваю детали.

Взгляд останавливается на мужчине, который наблюдает за мной с такой безмолвной пронзительностью, что мозг начинает бить тревогу. Не знаю, почему я выделила его среди всех остальных жаждущих крови болельщиков, не сводящих глаз с арены в ожидании начала. Что-то в нем действует мне на нервы. Судя по смуглому цвету лица и темным волосам, он с Ближнего Востока. Медово-карие глаза прикованы ко мне и светятся хищным блеском.

Мужчина улыбается, но только губами, не показывая зубов. И тем не менее я не вижу ни намека на клыки или покраснение глаз, что с легкостью могло бы подтвердить мои подозрения. Таких я называю клыкастыми ублюдками, но вряд ли сами себя они называют так же. Ни один из когда-либо убитых мною вампиров не пытался выпить мою кровь; по какой-то причине они просто хотели куда-то меня уволочь.

Снова смотрю на мужчину. Мне инстинктивно хочется приписать его к клыкастым ублюдкам, с которыми я пересекалась за все эти годы. Я склонна доверять интуиции, когда та говорит, что черноволосый незнакомец с глазами цвета виски представляет угрозу.

Когда один из них впервые на меня напал, мне было четырнадцать. Его силу, скорость и сияющие глаза можно было с легкостью списать на галлюцинации, вызванные шоком, но мне хватило ума не пытаться убедить себя в том, что я ошиблась в увиденном или что это невозможно. В конце концов, если бы не то невозможное, на что была способна я *сама*, клыкастый ублюдок забрал бы меня, куда хотел.

Борюсь с желанием показать мужчине, что я хищник, а не добыча, но не хочу раскрывать свои карты. Если он то, о чем я думаю, то это лишь вопрос времени. Когда этот ублюдок придет за мной, тогда и узнает. Тогда он умрет — как и все остальные.

ГЛАВА

2

Раскатистый голос отрывает меня от собственных мыслей и от глаз человека, которого я уже приговорила к смерти. Глубоким басом ведущий представляет моего соперника, и я переключаюсь, сосредоточиваясь на нем.

К клетке движется большая группа мужчин. Мне не удается сдержать улыбочку, когда свита отрететированно расходится в разные стороны. Да уж, все-таки это постановочный ритуал. Пытаюсь скрыть веселье и вести себя подобающе, но мозг продолжает рисовать, как эти здоровые коренастые парни вдруг устраивают дурацкий флешмоб.

Мой сегодняшний противник неспешно проходит ко входу. Мне сразу вспоминается слово «огромный», но даже оно не передает в должной мере того, насколько огромен этот сукин сын. Свет прожекторов подчеркивает мышцы и толстые вены, которые едва ли не по-змеиному проступают под кожей. Он либо проводит девяносто процентов своего времени в спортзале, либо на короткой ноге со стероидами. Думаю, и то, и другое.

Противник входит в клетку и, взглядевшись, примерно за две секунды сбрасывает меня со счетов. Затем он поворачивается к толпе и издает нелепый рев. О да, это точно стероидная ярость.

Судья подзывает нас к центру ринга и зачитывает инструкции. Здесь все типично: нельзя кусаться, нельзя дергать друг друга за волосы и бить между ног, поэтому, вместо того чтобы слушать, я оцениваю чудовище напротив меня. Он просто громадный, правда, а значит, пропущенный удар от него будет чреват серьезными последствиями. А если он к тому же еще и быстрый, то мне точно придется попотеть ради победы.

Во мне закипает жажда крови, и я упиваюсь предстоящим испытанием.

Мы впервые встречаемся глазами. Он облизывает губы и, послав мне воздушный поцелуй, щелкает языком. Серьезно? Закатываю глаза и оглядываюсь в поисках Талона, чтобы спросить его взглядом: *где ты откопал этого парня?*

Обычно Талон стоит впереди и по центру, но сейчас я не нахожу его в толпе. Зато замечаю парня, который смотрит на меня с таким сильным напряжением, что оно, похоже, граничит с паникой. Я привыкла видеть у людей подобное выражение. Если этот парень смотрит бои совсем недавно, ничего удивительного. Такая картина — девушка ростом сто семьдесят семь сантиметров, стоящая на ринге напротив огромного чувака, — может здорово напугать.

Улыбаюсь и подмигиваю парню в надежде, что это его немного успокоит, но, похоже, напрасно. Кажется, еще пара секунд, и он попытается силой утащить меня с ринга. До чего же мало веры в людях! Вот-вот он узнает, что я чертовски далека от благородной девицы, и ничто в предстоящем матче меня не смущает.

— Надеюсь, ты продолжишь улыбаться, когда я положу тебя на лопатки и трахну на глазах толпы, — усмехается Мудила-Гигант и кладет пятерню на промежность своих шорт, привлекая внимание к жалкому подобию эрекции.

Талон говорил мне не торопиться и устроить хорошее шоу. Но этому куску дерьма не мешало бы поучиться манерам.

Судья заканчивает с правилами, и мы с Гигантом, соприкоснувшись костяшками, расходимся в разные стороны. Охвативший тело адреналин щекочет живущую во мне силу, и она ведет себя словно нетерпеливый щенок, в ожидании, когда ее наконец призовут.

Судья опускает поднятую руку, давая сигнал к началу, и в ту же секунду я срываюсь с места. Мудила-Гигант ревет и бросается на меня. Вытягивает руки в совершенно бесполезнейшей стойке в лучших традициях милашки Франкенштейна и пытается меня обхватить. Быстрая как молния, я запрокидываю ногу на его бедро и взбираюсь по массивному телу, словно по гимнастической стенке.

Его руки смыкаются, но ему удается поймать лишь одну мою ногу. Я уже достаточно высоко, чтобы с легкостью дотянуться до его незащищенных головы и лица. Один за другим наношу несколько мощных ударов, и каждый из них приходится ровнехонько по виску. Эти удары выбивают его из колеи, и хватка на моей ноге ослабевает.

Спрыгиваю на пол; Мудила-Гигант делает несколько неустойчивых шагов назад. Его покачивает, но он не падает. Продолжаю наступление, подыскивая подходящий момент для атаки. Он замахивается на меня, когда я подхожу ближе, но его движения хаотичны и цели не достигают.

Хватаю Мудилу за руку и использую его замах против него же самого, выводя из равновесия, а затем впечатываюсь локтем ему в предплечье. От этого он заваливается вперед, по-прежнему пытаюсь прийти в себя. Хватаюсь за его плечо и подтягиваюсь, метя коленом ему в ребра. Он совершает грубую ошибку и отклоняется в сторону

в попытке защититься, тем самым предоставляя мне личную возможность снова ударить его в голову. *Тулица.*

Мое колено врезается прямо ему в лицо. От металлического ограждения эхом разносится громкий хруст, и я отскакиваю назад, чтобы не попасть под фонтан крови и хрящей. Он в нокауте падает спиной на мат, и я слегка подпрыгиваю, когда его массивное тело приземляется. К нему в спешке подбегает судья и жестами подзывает медиков.

Среди свиты Гиганта поднимается странный гул, но я игнорирую его и достаю изо рта капу. Окидываю взглядом толпу тех ликующих фанатов, что по-прежнему держатся на ногах, и нахожу парня, который до этого выглядел жутко встревоженным. Он смотрит на меня, широко распахнув глаза, с ошарашенным выражением на лице. В ответ на его ошибочные выводы я самодовольно улыбаюсь.

Кто-то бросает мне полотенце, и я вытираю руки от пота и крови. Судья объявляет меня победительницей, и я выхожу из клетки через толпу суетящихся людей, пытающихся привести в чувство моего противника. Ищу человека, который ранее вызвал у меня тревогу, но нигде его не вижу.

Охрана выводит меня из этой суматохи обратно к раздевалке. Я не нахожу на привычном месте Талона, хотя обычно он ждет меня у двери, чтобы поздравить. Его нигде нет, и во мне зарождается беспокойство. На месте Талона стоит водитель-подручный, поэтому именно за ним я и следую обратно в раздевалку.

— Где Талон? — спрашиваю я сразу же, как за мной с лязгом захлопывается дверь.

— Его вызвали.

Жду подробностей, но, судя по всему, зря. Натягиваю свободные штаны поверх шорт из спандекса и надеваю